

Дарья Александер

Самая близкая Франция

Дарья Александер
Самая близкая Франция

«Алетейя»

2015

УДК 908(44)
ББК 26.89(4Фра)

Александр Д.

Самая близкая Франция / Д. Александр — «Алетейя», 2015

«Самая близкая Франция» – это книга о личном опыте освоения Франции. Автор книги журналист и переводчик Дарья Александр четыре года жила во Франции и лично убедилась в том, какая она разная! В этом автобиографическом произведении она даёт свой ответ на вопрос: что же такое Франция? Страна, «где есть и неподатливые горы, и гладкие равнины, блестящие, словно покрытые лаком, где есть море с белыми взбитыми волнами и песочные церкви, где выгибаются над реками древние мосты, и белоснежные памятники прячутся за идеально подстриженными деревьями, где можно питаться одним лишь сыром и вином». И, конечно, французы: совсем другие, но в чём-то похожие на нас. Взгляд на Францию изнутри, несомненно, заинтересует не только поклонников французской культуры, но и всех, кто любит путешествовать самостоятельно и открывать для себя что-то новое и неожиданное.

УДК 908(44)
ББК 26.89(4Фра)

© Александр Д., 2015
© Алетейя, 2015

Содержание

Предисловие	5
Страсбург	6
Сент-Женевьев Де Буа	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Дарья Александер

Самая близкая Франция

Предисловие

Есть два взгляда на страну, в которой человек не родился и не вырос. Первый – это взгляд туриста, взгляд не всегда поверхностный, но лёгкий, позитивный, незамутнённый бытовыми деталями. В новой стране, куда приезжаешь на несколько дней или на пару недель, стремишься увидеть то, что отличает эту страну от твоей. Непохожесть другой земли на твою кажется очень важной, потому что хочется сменить одно и то же изображение, проходящее перед глазами как минимум 335 дней в году.

Второй взгляд – человека, который переезжает в другую страну. В этой ситуации сначала видишь только новизну и радуешься ей. А потом отчаянно хочется, чтобы новое пристанище было бы хоть немножко похоже на то место, где ты родился и вырос. Ищешь схожести, находишь, а потом оказывается, что ты ошибся. И так повторяется бессчётное количество раз.

Это очень трудная ситуация, из которой сложно выйти победителем. Можно уехать обратно, можно остаться, но окружить себя иммигрантами из родной страны, говорить только на родном языке и забыть о том, что переехал. Можно порвать все связи с миром, в котором был раньше, и доказывать, что только новообретённое место жительства имеет к тебе какое-то отношение. Можно пытаться усидеть сразу на двух, а то и на трёх стульях. Сохранить себя и впитать новую культуру. Тяжёлая задача для человека, у которого есть всего одна жизнь. Другой, скорее всего, на этом свете не дадут.

Я прожила во Франции четыре года. Изначально я относилась к этой стране довольно прохладно, потому что каждодневное изучение французской истории и культуры в московской школе уже набило мне оскомину. Приезжая в Париж, я скептически относилась к выдавшим виды знаменитым памятникам истории и культуры.

Потом я неожиданно для себя влюбилась. В страну, где есть и неподатливые горы, и гладкие равнины, блестящие под солнцем, словно покрытые лаком. Где есть море с белыми взбитыми волнами и песочные церкви. Где выгибаются над реками древние мосты, и белоснежные памятники прячутся за идеально подстриженными деревьями. Где можно питаться одним лишь сыром и вином. Где люди внешне легкие, как шампанское и психологически очень сложные, как древнеславянская рукопись, написанная по-китайски.

Все герои этой книги существуют на самом деле. Всё, что описано здесь, происходило на моих глазах. Многие имена изменены, поскольку я не хочу путаницы между моим личным восприятием и тем, как люди воспринимают самих себя. В тех случаях, когда имена сохранены, это производилось либо с согласия героя, либо об этих героях и так уже есть достаточно информации, и можно сопоставить взгляды разных авторов.

Не скажу, что годы во Франции были лёгкими. Но они были необыкновенно наполненными событиями, людьми, взглядами, ощущениями. Мысли-мышцы двигались, гудел безостановочный внутренний конвейер эмоций. Казалось, что этот процесс никогда не прервётся... И всё же через несколько лет опять пришлось сменить страну, знакомых, действия и размышления. Жизнь стала более тягучей и плавной. Удалось ли мне за время жизни во Франции научиться сидеть на трёх стульях? Безусловно, но лишь когда один стул подложишь под колени, на другой ляжешь животом, а за третий уцепишься зубами.

Страсбург

Каково это – поехать в город одной, но при этом быть вместе с тысячами других людей? Я почувствовала это, оказавшись в Страсбурге, который так и называют: «Столица Рождества». Половина Франции приезжает сюда, чтобы посмотреть на ёлочные игрушки, пряничные домики, лубочных гномов и дедов морозов с отклеивающимися усами. Поиграть в детский Новый Год, когда можно объедаться липкими конфетами и украшать себя пластиковыми гирляндами.

В школе нам рассказывали, что Эльзас, тот самый регион, где находится Страсбург, знаменит своими аистами. Они в огромных количествах выют гнёзда на всех крышах домов. Но к моему приезду в Страсбург аисты все перемерзли. Минус 10 – суровая температура для французов. И, поскольку влажность сильная, становится просто невыносимо. Я замерзла в первые двадцать минут нахождения в городе. В поисках носков зашла в туристический магазин на главной площади. Здесь царил небывалый ажиотаж. Иссиня-бледные дрожащие туристы судорожно расхватывали свитера и шапки. Носков я не нашла, зато нашла перчатки и, недолго думая, надела их на ноги. Для этого пришлось зайти в Страсбургский собор.

В этот день я очень хорошо поняла обездоленных, которые ищут пристанища в церкви. Собор стал для меня местом, где можно согреться в суровый зимний день. Кроме того, было на что посмотреть. В глубине ажурных проёмов, залитом светом витражей, находятся различные циферблаты Астрономических часов. Благодаря им мы видим, насколько время относительно. Есть часы, завершающие полный оборот в новогоднюю ночь. А есть те, благодаря которым собор просто обязан простоять еще многие века. И земля обязана продержаться его на своей покатоной поверхности. Потому что один оборот эти часы совершают за 25.800 лет. Они показывают изменение положения земной оси.

Я бы очень хотела дождаться момента, когда этот массивный механизм завершит оборот своих медлительных стрелок. И жизнь длиною в 25 тысяч лет меня не пугает.

Но что будет с собором? Он сделан из красного песчаника в стиле «пламенеющей» готики. Этот огромный песочный замок непрочен. Огненные всполохи стен собора медленно сжигают его сердцевину. Искры башенок поджигают крышу. Но песок не сгорает. Он превращается в стекло. И тяжелые часы могут упасть, разрушая хрупкие готические фигуры. Время остановится.

Около собора играли вдрызг замёрзшие музыканты. Скрипач дрожащей рукой жалобно пиликал вибрато. Виолончелист в теплых варежках держался увереннее, но постоянно пританцовывал от холода. Саксофонист примерз к холодному наконечнику золотой изогнутой трубки и отбивал стучащий ритм зубами. Зрителей собралось хоть отбавляй. Они окружили симпатичный деревянный киоск, в котором продавался глинтвейн. Горячее вино если и не очень согревало, то уж точно прибавляло оптимизма.

Я изрядно напилась оптимизмом размером в 5 больших стаканов глинтвейна, сразу стало легко и весело. И я побежала смотреть «маленькую Францию». Так называется часть Страсбурга, которая должна изображать идеальную Францию. Хрупкие балочные домики. Узелки мостов, завязанные на голубых лентах каналов.

Зимой возникало ощущение, что я нахожусь внутри огромного кристалла. Застывшие садики около каждого дома и маленькие калитки, припорошенные инеем, залакированные временем фигурки сказочных персонажей.

Гномы, прозрачные феи и заснеженные сухие листья. Тихо, только иногда пульс воды постукивает об лёд. А если идти вдоль основного канала, то лёд выбивает все более и более звонкий ритм. Наконец, лёд разрывается, поток воды хлещет из подножья седой башни, как кровь из разорвавшегося сосуда. Но тут же затихает, крепко прижатый запрудой.

Около канала находится Эльзасский музей. Скорее даже не музей, а большой дом. Деревянные комнатки, поглощающие дневной свет. А вечером отблески камина покрывают стены оранжевыми тенями. У камина сидит женщина, одетая в красное платье с кружевными рукавами и темным передником. По праздникам она надевает на голову огромный черный бант. Сейчас женщина просто прядет пряжу и скручивает жесткие нити из пуха, похожего на кучевое облако. В соседней комнате играет маленькая девочка в белом кружевном сарафане. Скоро Новый год, и ее кукле нужны подарки. Девочка рассказывает кукле историю про злого и доброго французского Деда Мороза.

«Если мама думает, что в этом году я была послушной, то придёт Пер-Ноэль и подарит мне кучу восхитительных подарков. Ну и тебе, конечно. Мне – маленькие чашечки, новое платье и красивый гребень, как у мамы. А тебе – новую кружевную шляпку и зеркальце. А если я не слушалась маму, то придет злой Пер-Фуэтгард и принесет с собой розги. И будет с розгами гоняться за мной и за тобой. А потом будет нас шлёпать. И ты будешь плакать. И я чуть-чуть. Нельзя плакать, я уже большая. Хочу, чтобы на свете был только добрый Пер-Ноэль и дарил нам все то, о чем мы загадали!»

На балконах Эльзасского музея задувает ветер. Но во дворе тепло – там стоит яркая ёлка и горделиво показывает всем свои блестящие стеклянные серьги. Очень хотелось бы жить в таком доме. Сидеть у камина, слушать старинные странные сказки и считать минуты в пять раз медленнее, чем сейчас. Эта жизнь натянута передо мною, как кружевное полотно, и весь ее великолепный рисунок отчетливо виден.

Чернота зимней ночи заморозила Страсбург, и мне было пора двигаться к своему отелю. Все страсбургские гостиницы были переполнены, поэтому я нашла отель в двадцати минутах от города, но при этом... в другой стране. Страсбург находится на самой границе с Германией и, чтобы попасть туда, нужно всего лишь пересечь Рейн. А на другой стороне Рейна находится маленький немецкий городок Кель. Именно туда я и направилась.

Замерзшие минуты на остановке, показавшиеся часами, и, наконец, показался маленький автобус. Я решила принять меры предосторожности и заранее узнать, как от автобуса пройти к улице, на которой находится отель. Однако в автобусе не оказалось ни одного человека, который когда-либо слышал об этой улице. Все делали удивленные лица и пожимали плечами. Кроме одной дамы, которая как раз все знала, но объяснить ничего не смогла. Она не знала французского и английского, а я совершенно ничего не понимала по-немецки. Дама, одетая в черную дутую куртку, со всклокоченными волосами и в квадратных очках делала отчаянные жесты руками, вытаращивала глаза, двигала бровями, в общем, всем своим видом давала понять, что всё может рассказать, но, как пленный на допросе, забыла все слова.

Общими усилиями мы нашли заспанного подростка, говорящего и по-французски, и по-немецки. Мальчик, меланхолично смотрел на меня и нехотя согласился переводить. Немка пустилась в объяснения. Для меня всё это звучало примерно так:

- Алес афр бутерброд рабраваннен хенде хох штрассее.
- Вы выходите из автобуса и поворачиваете на соседнюю улицу.
- Фирштейн траверен клейстер штрассе брудершафт убан.
- Потом доходите до конца улицы и увидите вокзал.
- Ицухт ризеншнауцер убан алес капут хотэл.
- Напротив вокзала должен находиться ваш отель.

Я поблагодарила отзывчивых обитателей Келя и отправилась на поиски. Вокзал я нашла быстро, но отеля около него не оказалось. Отчаявшись, я решила зайти в привокзальный бар, чтобы хоть что-то узнать. Возле выщербленной барной стойки сидели угрюмые мужчины, обременённые количеством выпитого алкоголя, и смотрели на меня хмурыми взглядами. Худосочный официант, странно выделявшийся на фоне этих мускулистых парней, дрожащим голосом принялся объяснять дорогу. Оказалось, что отель совсем близко. Я выбежала на улицу и бро-

силась к его светящимся буквам, как корабль к маяку посредине бурного моря. Успешно причалила, забралась на свою походную койку и заснула.

Утреннее солнце выжигало блестящие узоры на снегу. В этом новом дне было гораздо менее холодно. Крошечный Кель встретил меня желтыми и бежевыми домиками, детсадовскими металлическими калитками и миниатюрными водоемами, покрытыми лаком льда. И, несмотря на короткое время пребывания в городе, я успела увидеть братьев-славян. Зайдя в местную церковь, я с удивлением услышала пение на смутно узнаваемом языке. Оказалось, что в этот день здесь идёт служба на сербском.

Я побродила по аккуратным дорожкам и вышла к Рейну. Река – совсем другая, чем светлый, опрятный Кель. Иссиня-чёрная, поглощающая любой свет, необыкновенно широкая. Через неё протянулся современный мост с металлическими тросами, похожими на мачту огромного судна. Я просто пошла по этому мосту: из Германии во Францию, из Келя обратно в Страсбург. Ветер был очень сильным, и я себе казалась флагом, принимающим различные формы в зависимости его направления. Рейн глухо шумел внизу, далекий и неестественно значительный.

Искусственной оказалась и граница между двумя странами. Я спустилась с моста и увидела то самое место, где раньше находился пограничный участок. Зброшенные металлоискатели, запылённые флаги на старых пропускных кабинах. А прямо за ними, в аккурат на границе, расположился цирк Шапито. Грязно-бежевый шатёр, занесенный снегом, как иглу, жилище северных народов. Неподалеку – вагончики для продрогших медведей и лошадей. На самом деле – то, что осталось от границы между Францией и Германией – всего лишь цирк, веселый смех над ненужными формальностями. И, если бы на каждой границе можно было бы построить цирк, жизнь стала бы намного разнообразнее.

Сент-Женевьев Де Буа

Есть странные свойства у земли и у того, что в ней спрятано. Прячут клады, драгоценности, деньги. В землю прячут семена, чтобы они проросли в воздух. Прячут мертвых – чтобы они проросли в небо.

Кладбища бывают разные. Есть сплошь окутанные в густой чёрный мрамор, где горе разламывает на части не только души живых, но и могильные памятники. Находиться там невозможно – страдания, испытанные там, не очищают. Они загоняют вас в гранитный угол. В нем только и остается, что зажмуриться и погрузиться в небытие, которого мы так боимся.

Есть кладбища, до краев наполненные выбеленным солнцем. И спокойствием обожженной на солнце морской гальки. Слишком тихо для мира живых, но в целом – то напоминает дом со спящими жильцами. Все вместе, но каждый на своей территории. А в мире вокруг происходят разные вещи: в одной стране революция, в другой – скончался диктатор, в третьей придумали новое ядерное оружие. Но это неважно. Жители дома спят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.